

О ВETERАНАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Память сохранила многое

Смотрю передачу по «Культуре». Знаю, сейчас передача закончится и раздастся телефонный звонок. Это Дина Григорьевна. И мы начнем обсуждать, как всегда, она добавит что-то своё. А то позвонит и напомнит, дескать, сегодня юбилей нашего сибирского писателя, или классика мировой литературы, или композитора... Всё её интересовало, всё помнила. Особенно активно мы общались с Диной Григорьевной в последнее время, вспоминали свою издательскую жизнь, где было так много всего. Увы, Дина Григорьевна уже не позвонит...

Совместная наша работа началась со времени моей преддипломной практики во время учебы в МГУ. Помнится, во дворе нашего журфака, в месте тусовки студентов, мы называли его психодром, появился высокий, импозантный, с орлиным профилем человек и поинтересовался, где находится деканат. Шло время. По окончании сессии всем студентам для прохождения практики были предложены на выбор редакции газет, журналов и издательств. До этого мы практиковались в типографии родного факультета, издательствах «Искусство», «Молодая гвардия», была в нашей жизни и казахстанская целина. Сибирь же оставалась непознанной. И мы с подругой, однокурсницей Юлей, желая познать больше нашу необъятную страну, выбрали Новосибирск.

Появившись в Западно-Сибирском книжном издательстве и представ перед руководством, узнали человека со знакомым профилем. Им оказался главный редактор Абрам Ушеревич Китайник. Вот так бывает. А непосредственно мы попали под крыло Дины Григорьевны, зав. редакцией художественной литературы. Занимались в основном самотеком. Начальство оценивало, насколько компетентны наши редакторские заключения. Мы старались.

Характеристики на факультет привезли достойные.

И когда после защиты диплома началось распределение мы, уже с другой однокурсницей Тamarой Фроловой рванули в Новосибирск. Надо сказать, что я, родившись в сухопутной Беларуси, была абсолютно покорена широченной Обью и сибирским пейзажем. Всё это и, конечно, масштаб издательства, крупнейшего тогда за Уралом, доброжелательное отношение к нам, молодым специалистам, и определило наш выбор. Подруга, закончив газетное отделение, начала свою карьеру в «Молодости Сибири», я – в издательстве, в редакции художественной литературы под руководством Дины Григорьевны. 13 лет рядом с прекрасными коллегами – нашей «ходячей энциклопедией» Ю. М. Мостковым, Н. Созиновой, Н. Закусиной, Ген. Прашкевичем, Евг. Гордецким. Все такие разные, со своими амбициями, но Дина Григорьевна к каждому находила подход. Конечно, были у нее и свои предпочтения, но ко всем относилась предельно сдержанно, без лишних эмоций, всё только по существу. Подсказывала, направляла. Первое время мы сидели в одном кабинете, и я имела возможность наблюдать и учиться общению с авторами, перед которыми поначалу здорово робела. Наверно поэтому была с ними чересчур строгая. Дина Григорьевна отмечала и промахи мои, и успехи, всегда корректно и деликатно.

Сдержанность её проявлялась во всем. Вспоминаю один эпизод. Издательство переселялось из здания «ЗабСибзолота» в левое крыло тогдашнего ТЮЗа. Все устали от перетаскивания и переукладывания бумажных завалов, кто-то ушел на перерыв. Мы с Сашей Плитченко устроили перекур, почему-то прямо в кабинете. Неожиданно появилась Дина Григорьевна. Конечно, она была шокирована нашей наглостью. Но – никакого скандала, всего несколько упрекающих слов.

Нам же, как нашкодившим школярам, было так стыдно, что захотелось залезть под стол... Дым изгнали, прощения попросили, урок запомнили.

Поощряла и одобряла Дина Григорьевна наши редакторские проекты. Так родились серии «Сибирью связанные судьбы», «Рассказы сибирских ученых», сборник для юношества «Собеседник», который мы составляли с Геннадием Прашкевичем. Здорово помогали нам советы Дины Григорьевны в подборе авторов. Круг этих авторов постоянно расширялся, благодаря чему удалось побывать в командировках в Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, где, наконец, я увидела Байкал.

Вообще, Дина Григорьевна была человеком закрытым. Проработав немало лет вместе, я довольно поздно узнала о её белорусских корнях, и она подробно стала расспрашивать, как там и что, когда я возвращалась из родной Беларуси. Интересно было ей узнать и о моих преподавателях на журфаке, где, конечно, читали лекции настоящие корифеи языка и литературы. Поверг её в веселое изумление мой рассказ о диктанте по русскому языку, который нам в начале 1-го курса прочитал широко известный автор многих учебников сам профессор Розенталь. Оказалось, некоторые – а это уже студенты! – умудрились сделать по 20 ошибок. Правда, к концу учёбы грамоту усовершенствовали. Не могу не похвастать, я тогда получила 4, отлично, увы, ни у кого не было.

Ревностно оберегала Дина Григорьевна свой быт. Как ни пытались мы в дни её рождения, особенно юбилеи, торжественно прийти с цветами, шампанским, всегда находила причины для отказа. Так и обходились лишь телефоном.

Очень гордилась своим внуком, в воспитание и образование которого вложила многое. Живет и работает сейчас Денис в Англии. И общей темой для обсуждения стала для нас с Диной Григорьевной школьные дела её правнучки и моего внука. Сообщала подробности системы образования в этой заморской стране, начала изучать даже её историю. Это в её-то годы! Оставалось только восхищаться.

Именно в эти последние годы Дина Григорьевна стала мне как-то ближе. Раньше мешала всё-таки служебная субординация. К тому же, называла она меня до конца дней своих Людочкой, что всегда меня веселило и было особенно трогательно.

Насколько помню, Дина Григорьевна всегда проявляла интерес к театру. Рассказывала, что начинала учиться на театроведа в Ленинградском театральном институте, эвакуированном в Ново-

*Дина Григорьевна Селькина
с журналом «Сибирские огни»*

сибирск. А, когда после снятия блокады, институт вернулся домой, уехать с ним не получилось. Говорила об этом с некой горечью и болью, и было видно, что театр остался её неосуществленной мечтой.

Но и литературе по окончании Новосибирского педагогического института прослужила преданно и верно.

Как и с Диной Григорьевной моя издательская жизнь проходила рядом с Ниной Сергеевной. Добавлю лишь некоторые штрихи.

Мне как-то очень импонировало, что в своё время Нина Сергеевна тоже работала редактором детской и юношеской литературы. Может быть поэтому, уже на посту директора, она особенно внимательно присматривалась ко мне в начале моей работы.

Помню издательские летучки, где строго и профессионально обсуждались и рукописи, и уже вышедшие книги. И не дай Бог, если находились ошибки или опечатки в готовом издании, это было настоящее ЧП, лишали даже премии. Сегодня, когда почти исчез институт корректоров и многие книги выходят в авторской редакции, грустно видеть и ошибки, и опечатки, и неточности.

Бывали непростые ситуации, когда цензура запрещала негодные рукописи. Нина Сергеевна, как и Дина Григорьевна, стоически переносила подобные ситуации, стараясь по возможности оградить нас, редакторов, от этих сложностей. И мы особенно ценили это.

Во многом благодаря издательскому

руководству нам удалось посетить многие места Союза. Существовал в то время «маршрут выходного дня», и увидели мы и Грузию, и республики Средней Азии, и Прибалтики, и Украину, катались и на лыжах Горной Шории. Вот уж действительно познали мы не только Сибирь, но и всю нашу страну.

Идет время. В памяти сохранилось многое. Наверняка, воспоминания наши в чем-то совпадают, но ведь при том, что прошлое у нас общее, у каждого оно отложилось по-своему. Об этом и написалось.

Людмила Белявская

Время беспощадно уносит тех, с кем оно же, время, породнило и сблизило. Одна за другой произошли две утраты: скончались старейший редактор Издательства Дина Григорьевна Селькина и его бессменный директор Нина Сергеевна Семаева.

О них вспоминают писатели, редакторы, а также родные и близкие.

Осиротело личное пространство

На моей памяти с 1960-х годов Издательство дважды сменило название – из «Новосибирского государственного областного» стало сначала «Западно-Сибирским книжным», затем «Новосибирским книжным». Волей начальства пять раз перемещалось по центру нашего города. При этом Нина Сергеевна всегда, как правило, умела оставаться в тени, но в том, что коллектив, меняя адреса, никогда не проигрывал в комфорте, безусловно её заслуга. Неизменным оставались тёплый климат, отсутствие склок и свар, доброе, дружелюбное отношение к авторам, квалифицированная, деловая им помощь.

Впервые о той роли, что может играть в писательской биографии встреча с компетентным редактором, я услышал в конце пятидесятих годов. Трудился тогда в молодежной газете в Кемерове. Был случай: в редакционном кабинете сидели с моим другом поэтом и тоже газетчиком Валентином Махаловым, читали друг другу только что сочиненные стихи. Приятное, осмелюсь доложить, занятие...

Вошел писатель Геннадий Модестович Молостнов. Послушал, одарил нас, – как показалось, не без доли скепсиса, – улыбкой. Показал свою, только что изданную книгу «Междуречье». наших стихов напрямую не задевал. Хотя и сказал со значением:

– Вот что, старики, вы оба люди пишущие, но критиками еще не тронутые, как я. Не битые. Будете в Новосибирске, в книжном издательстве, обязательно познакомьтесь с Селькиной Диной Григорьевной. Она, можно сказать, меня на ноги поставила. Муза-хранительница...

Показал выходные данные: да, она, редактор...

... Пересматриваю роман Молостнова сегодня. Отличный язык, четкая композиция, индивидуальность героев, трогательные сцены. Автор автором, но, как понимаю, и редакционно-издательское участие тоже на месте...

Первый порог Издательства, который я, в ту пору первокурсник мединститута, переступил, оказался в буквальном смысле и самым высоким: в ту пору оно помещалось на шестом этаже приютившего редакцию здания треста «Запсибзолото». Помещение представилось мне подчёркнутым – с предыдущего этажа туда почему-то вела крутая, непохожая на все остальные, лестница. Лифт отсутствовал.

В тот час довелось мне случайно стать свидетелем знаменательного события.

Сидели над моими стихами с редактором отдела поэзии Нинелью Созиновой. В тесном помещении стояли ещё столы, за ними сотрудники. Мимо в смежный кабинет, не глядя по сторонам, быстро прошла совсем молодая женщина, одетая в строгий, официальный костюм, коротко стриженная, темноволосая, с лицом, крайне озабоченным, пожалуй, даже обеспокоенным. Вслед ей между столами пробежал сочувственный шепоток, скорее всего для чужих ушей не предназначенный. Но на меня внимания не обратили, и мне довелось услышать следующее: «Вернулась из обкома. Поставили-таки директором.» «Согласилась?» «А как было отказаться?» «Нина справится, и мы ей поможем. И обком – коли утвердили...»

Так Нина Сергеевна Семаева обрела портфель, с коим довелось ей не расставаться до самой пенсии.

Годами собираю материалы по истории Издательства. Причина сугубо личная: в свое время именно оттуда вышли в свет не менее половины из двух десятков моих книг.

Со мной занимались разные редакторы, неизменно требовательные, досконально знавшие свой и мой предмет, любившие литературу, как самих себя. Обстановка, повторюсь, была предельно серьезная, товарищеская, изменения в обсуждаемом тексте всегда принимались по согласованию, никто не навязывал своего мнения, но и заноситься особенно не приходилось – ни маститым писателям,

ни начинающим, едва оперившимся литераторам. Дина Григорьевна меня не редактировала, но это ничего не значит, всего лишь пару раз переговорив с ней, я уже чувствовал, что и переживаем, и мыслим на одной волне. И что, насколько позволяют обстоятельства, подружился.

В последние годы она, уже не работая, отвечала на мои вопросы, всегда исчерпывающе, полно, делилась деталями биографии и воспоминаниями о коллегах – редакторах и писателях, – которые тоже ведь становились ее деловыми, а то и личными товарищами, иной раз и друзьями. Память ее с годами, по-моему, не только не слабла, но наоборот – крепла и не утрачивала достоверности при обсуждении всего массива информации и любых малейших деталей. К себе не приглашала, ссылаясь на нездоровье, но длительные беседы по телефону могла вести столько времени, сколько требовалось для того, чтобы досконально осветить события и встречи, некогда пережитые ею.

Я, разумеется, старался не злоупотреблять терпением Дины Григорьевны. Звонил, как мне представлялось, в исключительных случаях – советовался по некоторым моментам своей работы над новыми книгами – из тех, что выпускались уже другими издателями. Сообщив об окончании романа о взлетах и падениях одного известного мне заводского коллектива, услышал, что и она в юности была причастна к подобным сюжетам: работала в Бердске в период становления тамошнего радиозавода, какое-то время жила в этом городке после эвакуации из Воронежа, поддерживала отношения с лучшей подругой, там приобретенной.

...В начале войны, слыша сообщения о наступлении немцев, взяла линейку, по карте вычислила расстояние от границы до Воронежа и сделала заключение, что уж туда-то враги не долетят. Ровно через восемь дней начались бомбежки. В эвакуацию много вещей брать с собой не разрешалось. Мать надела на нее два платья, захватила еще что-то необходимое для жизни – и бегом на вокзал...

– В шестом классе безумно полюбила театр. Читала соответствующие мемуары. В 43-ем поступила на театроведческий факультет. В это время из Томска переехал Пушкинский театр. Их прежде перевели в Пятигорск – считалось, там безопасно, а потом уже в Сибирь. Из Томска стали проситься в Новосибирск. Перебрались. Ходили все в телогрейках, и я, естественно, тоже. Мы с группой занимались в помещении театра, в директорской ложе.

(Вставлю ремарку: телогрейка, иначе ватник – удобное, тёплое, добротно, иногда даже с претензией на щегольство,

сшитое одеяние, демократическое по тогдашней бедности. Ибо без всякого стеснения носилось каким-нибудь малолетним школьником и его учителем, а также простым работягой, и прорабом, и начальником заводского, продуваемого ветрами цеха, равным образом мужчинами и женщинами).

Самым ярким переживанием тех лет запомнился Иван Иванович Соллертинский! О выдающемся музыковед, писателе, близком друге таких светил культуры, как Иракий Андроников и Дмитрий Шостакович, рассказывала с восторгом и спущая десятилетия.

– Я отмечаю день его рождения 3 декабря, день смерти 26 февраля. Хоронили из филармонии, какое-то время находившейся в теперешнем Доме актера... У Ивана Ивановича был сын, маленький, звали, естественно, Дима, в честь Шостаковича. Мать его – балерина... Читал лекции актерам. Мы сбежали с занятий. Как-то накопилось много пропусков. Вызвали к декану, кричал, грозил. Умолк. «Ну, и куда вы сбежали?» «К Соллертинскому!». «Прощаю. Но и преподавателей не обижайте своим отсутствием». Афиши с упоминанием о нем – мы их срывали, долго потом хранили. Если умер Иван Иванович, то всё, прекратилась работа в филармонии...

О начале работы в издательстве Дина Григорьевна вспоминала так:

– Я была младшим редактором в научном журнале. Выписывала, сверяла формулы. Перейти в Издательство окончательно меня уговорила Стюарт. Ослушаться побаивалась, потому что считала ее старшим товарищем, привыкла во всем Елизавете Константиновне доверять. Сказала: «У вас получится».

Конечно, я очень старалась. Рукопись читала четыре раза. Делала нужные замечания. Думала: что автор скажет? А автор ждал, что я скажу...

Январь, февраль, март, апрель – ждала, что вызовет директор и скажет: «Вы у нас не можете работать». Не сказал.

К сожалению, преклонный возраст заставил Дину Григорьевну значительно ограничить круг личного общения. Она практически не покидала квартиру. Признавалась: спускаться и подниматься по лестнице становится всё тяжелее. Зато практиковала контакты по телефону. Могла и сама позвонить, чтобы поделиться своими переживаниями, обсудить важный для нее вопрос. Охотно рассказывала о любопытных подробностях общения с писателями, дружбы с ними.

Запомнился один из самых последних разговоров. Звонила сама.

– Здравствуете. Дина Григорьевна... Сегодня 15 лет со дня смерти Юрия Ми-

хайловича Магалифа. Очень мужественный, добрый человек. Из лагеря возвратился в 46-м году. Работал в филармонии. Читал со сцены сонеты Шекспира. На выступлениях ставил стул перед собой. Спросила: – Зачем? – Заплаты на брюках... Любил детей, делал подарки.

Один раз он зашел в издательство с прозаической рукописью. Поговорили, сколько требовалось. Уже уходил, разговаривали стоя. В это время у меня был внук, возился с игрушками на полу. Вел себя идеально. Встали. Сказал Юрию Михайловичу: – Ананья. – До свиданья, значит, пора уходить.

Дружбы с литераторами завязывались на основе общих интересов.

Симпатизировала, сочувствовала, например, Ларисе Кравченко, писавшей о драматических судьбах русских эмигрантов первой волны. Морально поддерживала писательницу в ее борьбе за публикацию романов в СССР. Ибо Лариса была в числе тех, кто возвратились на родину из Харбина после смягчения отношения к ним на родине, и, по словам Дины Григорьевны, десять лет ее не пускали к читателям.

– Мы в течение 10 лет хотели опубликовать ее роман, но на обращения издательства комитет отвечал сразу: «Издание романа Кравченко считаем нецелесообразным». Хотя в «Сибирских огнях» напечатали, и небо не дрогнуло. После приезда в страну попала на цепину. Часто не понимала языка, а как его понять, если это был мат... Была высокая, стройная, любила хорошо выглядеть...

Зарубежные группы в виде ассоциаций харбинцев не признавала. Съездила в Австралию – осталась недовольна. Был день – Лариса пригласила на собрание местной ассоциации. Всё выглядело так, как иные, подобные, местные организации. Стол, красное покрытие, графин с водой. Бывшие эмигранты по-особенному разговаривали.

Тем не менее на похоронах одна дама, проходя мимо, сказала: «Она – наша».

После ее смерти не осталось никакого архива. Отмечался юбилей, я с ней для этого ходила в областную библиотеку. Романы популярны, целые сборища читателей. Первый вопрос: как они (бывшие харбинцы) одеваются? – Никак!.. С работы уходим в шесть часов. Не всегда есть время очень-то заниматься собой. Живём, как все.

Но все-таки одеваться красиво любила. А я шила, помогала ей не отстать от моды. Вообще Лариса любила сборища праздничные. С интересом посещала Дом Цветаевой. Опять спрашивали: – Как там одеваются?

С годами понимаю, как прав был когда-то кемеровчанин Геннадий Молостнов: она, казалось бы, простой редактор, рядовая литературного производства, в сложных обстоятельствах прохождения книги нередко оказывалась подлинной музей-хранительницей для многих и многих. Потому что изреченное (написанное!) слово чувствовала, как мало кто чувствовал. Не терпела косноязычия. Учила редакторскому умению других. Глубоко понимала душу писателя, его профессиональные переживания и заботы. Одинаково ориентировалась в любом литературном времени. К ее столу, как бы оживая, входили давно забытые и возрождаемые энтузиастами-книгоискателями дореволюционные литераторы: Иван Куцевский, Антон Сорокин, описывавший первые советские годы Алексей Гарри. Ее глубоко уважали и по-настоящему любили видные прозаики Тамара Калёнова, Юрий Магалиф, Владимир Сапожников, Григорий Федосеев, популярные поэты Леонид Решетников, Александр Смердов, тот же Юрий Магалиф, с ней первой свежими новостями делился часто бывавший в Москве выдающийся литературовед Николай Яновский... Всех не перечислить.

Однажды, в конце 70-х годов случилось происшествие, ставшее решающим в моей литературной судьбе. Уже прошла редакционную подготовку одна из первых моих книг «Бахус и Антибахус», где в очерковой форме рассказывалось о деятельности системы антиалкогольной помощи, развивавшейся в ту пору в Советском Союзе. Я был одним из первых наркологов недавно созданной службы, много публиковался в СМИ, выступал в различных аудиториях, словом, достаточно познал предмет и, очевидно, был в состоянии заинтересовать людей своими сообщениями. Исходя из этого, Издательство включило мой опус в тематический план. О предстоящем выходе издания размещалась реклама, в том числе на подверстке в далеких от моей тематики книгах других авторов. Казалось бы, оставалось только включить типографский станок, чтобы затем забрать упакованный тираж и разослать для распространения по магазинам и библиотекам. Как вдруг...

Только что провёл приём в медицинском вытрезвителе, тороплюсь в заводской пункт наркологической помощи, там встречают: «Вам надо срочно позвонить в поликлинику.»

О сотовой связи не мечталось даже в самых смелых прогнозах писателей-фантастов. Звоню с заводского коммутатора. Слышу: «Вас просят связаться с Изда-

тельством». Связываюсь. «Это Нина Сергеевна. Можете сегодня до конца дня быть в Издательстве?» «Если нужно...» «Очень нужно. Жду.»

Сворачиваю дела, откладываю на завтра те, что в состоянии подождать. Приезжаю. «Садитесь. Читайте!».

Рецензия из Москвы. Главная контролирующая инстанция. Эксперт – врач из наркологической клиники. Разгром: «Где он нашел такие вырезатели?.. Причем здесь милиция? Он врач или кто-то другой?..»

«Что скажете?» «Не очень связно. Однако вполне понятно, что почему-то хотят резать рукопись.» «У нас есть два месяца. Напишите новую книгу. Материала, надеюсь, достаточно?» «С верхом.» «Машинка в порядке?» «Ещё не доломал. А редакция не задержит?» «Редактуру беру на себя. Кажется, навык ещё не утратила. Они там проволокинули с отзывом, а за план Издательства отвечаю я. Срывать не намерена.»

С планом, понятно, мы справились...

Скромные, беззаветные труженицы литературы. Дорогие, незабвенные коллеги Дина Григорьевна Селькина, Нина Сергеевна Семаева, всегда буду чтить вашу память.

Борис Тучин, писатель

Прекрасные редакционные будни

Хорошо, когда редактор – женщина. Хорошо, когда редактор – красивая женщина. Трижды хорошо, когда она – умная, воспитанная и деликатная женщина.

Это я о Дине Григорьевне.

Обычно я видел ее в окружении писателей.

Сдержанный Леонид Васильевич Решетников, ироничный Анатолий Васильевич Никульков, часто смущающийся Василий Михайлович Коньяков, волшебник-маг Юрий Михайлович Магалиф, фантаст Михаил Петрович Михеев, и другие-другие со всем разнотравьем – Нелли Закусиной, Николаем Самохиным, Александром Плитченко, Виктором Крещиком, Геннадием Карпуниным, Давидом Константиновским...

Разумеется, и безымянные авторы.

Приходил, например, некто Марк.

Фамилия у него, конечно, была, но ее я не помню.

Появившись в редакции, почему-то присаживался к моему столу.

«Новая вещь?» – спрашивал я.

«Горячая. Прямо со сковороды.»

«Что-нибудь приключенческое?»

«О, нет, нет, я вскрываю психологические пласты.»

Я интересовался: «В какой области?»

Ожидал услышать: в Омской, или в Новосибирской, или, скажем, в Томской, но вдруг слышал уверенное: «В испанской глубинке.»

«Давно вернулись?»

«Откуда?»

«Из Испании.»

«Что я там потерял?»

«Ну, вы же говорите, глубинка... язык... нравы...»

Мы с Людой Белявской, редактором детской литературы, как раз недавно трудились в одной такой милой глубинке (не в Испании, а в Мошково) – на сельхозработах, оттуда и слова – язык... нравы...

«Не будем терять время, прочитаю вам пару глав.»

К счастью, в этот момент (случайно, но всегда вовремя) в кабинет входила Дина Григорьевна, заведующая редакцией художественной литературы. Она слышала наш разговор, потому и включалась немедленно: «Извините, у нас планёрка. Оставьте, пожалуйста, рукопись, ее прочтут.»

Я читал.

Испанская глубинка не трогала.

Но проходило время и появлялся другой автор.

В отличие от спеца по испанской глубинке этот интересовался русской литературой. Он входил в редакцию издательства, как к себе домой. Он широко улыбался. Он снимал пальто в рубчик и разматывал длинный шарф. Размотав шарф, спохватывался: ой, чего это я? Сперва надо расстегнуть пуговицы и снять пальто, а потом уже разматывать шарф, правда?

Я не возражал. Дина Григорьевна с интересом наблюдала.

Вернув шарф на шею, автор снимал, наконец, пальто, и я приступал к допросу.

Проза? Стихи? – нет, нет. Очерки, воспоминания? – нет, нет.

Оказывается, он пришел к нам как мессия. Он спасает русский язык.

«Вот вы, – корил он меня, – наверно не знаете, что медведь – это немецкое слово».

«Ни медведю, ни мне это не мешает», – наивно оправдывался я.

«Но это же наш родной язык! – Мессия уже включил меня в число своих активных сторонников. – И он гибнет от засилья бесчисленных англицизмов. Пора! – с нескрываемым ужасом восклицал он. – Пора очистить родной язык от всего чужого, наносного.»

«Как вы собираетесь это делать?»

Оптимист улыбался. Что тут непонятного?

Потому он и пришел в наше издательство, чтобы использовать возможности всех талантливых современных русских писателей, переводчиков и ученых. Все имеющиеся на сегодняшний день русские литературные работы – от писем диссидента Курбского до рассказов комсомольца Ильи Картушина следует срочно и тщательно перевести на болгарский язык. Именно на болгарский. Панславизм, так сказать. Тогда англицизмы отпадут, чистота восторжествует. Ну а позже с болгарского всё переведем обратно на русский, и тогда и случайно уцелевшие англицизмы отпадут, как напившиеся крови клещи. Мы даже Пушкина переведем («как дэнди лондонский одет»), и Трифонова, и Катаева, и Аксенова вместе с Гладилиным (с этими хорошо бы проделать такую операцию не один раз). В итоге, вот и родной язык – кристально чистый.

«А как быть с тюркизмами? – беспокоился я. – Ну избавимся мы от англицизмов, так из болгарского языка тут же переползут в наш русский язык все эти бесчисленные тавана, чорапи, тютюн, пердета, чучулига, маймуна, всё такое прочее, а?».

Оптимист смеялся счастливо. Няма проблем!

Со временем мы (талантливые писатели, ученые, переводчики) болгарские литературные работы тщательно переведем на русский язык, значит, избавим братьев болгар от слов-паразитов.

Вот и праздник.

«Пора отметить.»

«Нет, нет», – отбивался я, провожая гостя.

И в этот момент в кабинете появлялась редактор моей собственной книги – бледная, выжатая НН (имя не назову), прямо из Лито.

«Ген. М., у цензора по рукописи есть вопросы.»

Мы сядились за стол и снимали вопросы. Но редактор нервничала. Оставалась всего одна последняя страница, а редактор нервничала. Я уже видел заключительную фразу (повести «Поворот к Раю»): «Он (герой повести) уже не жалел матросов с «Копенгагена», матросы с «Копенгагена» не смогли пересечь пустыню.»

Фраза как фраза, правда, густо подчеркнута красным карандашом.

«Вот эти слова, Ген.М., и требуют сиять».

«А что такое заключено в этой фразе?»

Редактор молча смотрела на меня, лицо ее стало бледней бумаги. «Ген.М., вы правда не понимаете?» В глазах стоял ужас.

Потом я спрашивал знакомых и незнакомых писателей, читавших эту мою вещь

еще в рукописи, что такого чрезвычайно ужасного нашел цензор в короткой фразе о неких моряках, так несчастливо погибших не в море, а пустыне, и – вот странно! – все они с тем же ужасом спрашивали: «Вы что, правда не понимаете?»

К Дине Григорьевне я с этим вопросом не приставал.

Боялся, что вдруг она (при ее вкусе и такте) ответит так же.

Хотя вряд ли. Многие она видела глубже нас. И понимала точнее.

Вот сидит в редакции Жанна Зырянова и никак не может понять, почему это свою собственную книгу она не может назвать просто «Стихотворения». Никак не доходит до нее, что подобным названием оперировать могут только классики. Кто-то беседует с Толей Шалиным о неопознанных летающих объектах. Другой доказывает правоту своей «странной» прозы Жене Городецкому. Женя, конечно, вежливо внушает: «Читайте Астафьева. Читайте Виктора Петровича. Снимает любой интеллектуальный ступор.» Автор дивится: «А кто?» Женя отвечает холодно: «Писатель земли русской.» А за соседним столом радуется Юлий Моисеевич Мостков: «Нам «Поднятую целину» разрешили переиздать!» Бесцеремонный Женя удивляется: «Мечтаете перечитать?» Юлий Моисеевич не обижается. Он собирает автографы. «Уважаемый Михаил Александрович! – пишет он письмо Шолохову. – Согласны ли Вы на переиздание Вашего романа?» Уверен, классик подпишет ответ, вот вам и драгоценный автограф.

С невидимого Олимпа взирает на происходящее Дина Григорьевна.

Она по-своему оценивает текущий момент. Она понимает авторов. Она понимает редакторов. Она понимает структуру текущего момента. Она даже знает, что классик согласие на переиздание даст, но Мостков автографа не получит. Классик вернет ему его же письмо Мосткова без каких-либо комментариев, только жирно подчеркнет одно-единственное слово. «Уважаемый Михаил Александрович! Согласны ли Вы на переиздание Вашего романа?»

Согласны.

Почему нет?

«Государыня села в первую карету с придворной дамой постарше, – с удовольствием цитирую я ещё одно переиздание. – В другую карету вспрыгнула Мариорица, окруженная услугами молодых и старых кавалеров. Только что мелькнула ее гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок...»

Гомеопатическая ножка! Я в восторге.

Дина Григорьевна деликатно улыбается.

Мы с таким же удовольствием прислушиваемся и к её беседам с авторами.

Вот Михаил Петрович Михеев жалуется на московского писателя Евгения Рысса, обозвавшего его повесть «Тайна белого пятна» дурацкой. Жалуется, вздыхает: «А геологам моя книга нравится». «Вот видите!» – радуется и Дина Григорьевна.

А Михаил Петрович уже переходит на Елизавету Константиновну Стюарт. Прочитав книжку «Лесная мастерская», Стюарт во всеуслышание заявила, что стихи Михеева не являются поэзией и никогда не будут таковой.

«Но ведь были люди, считавшие ваши стихи стихами?»

Михеев кивает. Не без этого. В конце тридцатых он работал монтером в электроцехе в Бийске, и, конечно, писал стихи. «В фабкоме встретились шофер и комсомолец». На свадьбу своего друга даже песню написал. «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов». Городская газета тут же разразилась гневной статьей об ужасном состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине, да и какой может быть дисциплина у наших шоферов, если они поют такие песни?

На другой день утром вызвали Михеева в особый отдел.

Он шел, и у него ноги дрожали. Из особого отдела тогда куда угодно можно было отправиться. Но постучал в дверь. «Вызывали?» За столом – особист в форме. Он долго молча рассматривал будущего замечательного писателя. На столе – тетрадный листок со словами песни.

«Твоя работа?»

Врать смысла не было.

Прокурор все равно добавит.

«Моя...»

«Послушай, Михеев! – вдруг ударил особист кулаком по столу. – Ты же у нас поэт! Мы тебя учиться отправим!»

«Ну, вот видите», – деликатно радуется Дина Григорьевна.

Однажды в мою книжку понадобилось добавить рассказ. Не хватало объема. Я принес такой рассказ и показал Дине Григорьевне. Про сельского селекционера был рассказ. Неприхотливый, но увлекательный. В известные хрущёвские времена, будучи последователем генетика Четверикова, то есть, морганистом-вейсманистом, герой моего рассказа вывел, подлец, совершенно новый сорт кукурузы. Крепкая, устойчивая, агрессивная. Сама защищалась от колхозников.

Дина Григорьевна необходимо, но со значением, смеялась.

Приезжал из Томска Виктор Колупаев, фантаст. Делился с Диной Григорьевой долгими размышлениями. Я присутствовал при этой беседе, заранее радовался,

что сейчас узнаю что-нибудь новое о фантастике, а Виктор почему-то заговорил о классической музыке.

Дина Григорьевна расцвела.

Виктор рассказал ей о том, что всю жизнь мечтал играть на фортепиано.

В 1963 году его мечта сбылась, даже с избытком. Виктор по случаю купил рояль. Пусть подержанный, но рояль. В тесной двухкомнатной «хрущёвке» – кровать, этажерка, стол, остальное пространство (семья – три человека) заняла покупка. Вместо одной отломленной ножки Витя приспособил березовый чурбан. Понятно, учиться музыке было некогда, Виктор получал удовольствие от самого процесса извлечения звуков.

Дина Григорьевна благодарно и понимающе улыбалась.

Приходил Юрий Михайлович Магалиф. Весело утверждал, что его отец был провизором, зато мать – польской графиней. В другом варианте – мать была наполовину цыганкой. Родился Юрий Михайлович (он на этом настаивал) в день и час, когда в Екатеринбурге расстреливали семью российского императора. Дружил с Марией Николаевной Слободзинской, племянницей писателя Гарина-Михайловского, это дало ему возможность утверждать, что был знаком и с самим писателем. В Ленинграде, в далекие двадцатые годы якобы помогал выгуливать охотничьих собак Сергею Мироновичу Кирову, жили с ним в одном квартале.

Дина Григорьевна всегда доброжелательно кивала.

Понимала, что настоящему писателю необходимо внимание.

В конце семидесятых, в начале восьмидесятых я часто уезжал в Дурмень.

Это такой Дом творчества под Ташкентом. Там я писал своего «Секретного дьяка», гулял по саду с женой. Жабы в бассейне развратно выворачивали зеленые лапы. Со снежных гор срывался горячий ветер. Несло древесным дымом, ароматами шашлыков, над мясной лавкой болтались сухие бычьи пузыри, сидел на табурете с мухойкой в руках усатый продавец, гигантская чинара густо источала тепло. Поэт Абдулла-ака неспешно рассказывал о вечности. «К нам зоопарк приезжал. Бегемот был. Крупный, как мама нашего председателя, был. Ну, а то, что ему гранату прямо в рот бросили, так это случайно.»

Возвращаясь, рассказывал о слышанном-виденном Дине Григорьевне

Вот вечер, арык, жабы воркуют. Редакция, как всегда, полна. Надеющиеся писатели, отчаявшиеся редакторы. Люда Белявская, своенравная, сама по себе, колдует над рукописью. Виталий Жигалкин обдумывает производственный роман.

Юлий Моисеевич охотится за автографами. Женя Городецкий и Таня Набатникова спорят о тяжкой доле писателя земли русской. Шалин уже сам втюхивает автору что-то о неопознанных летающих (и ныряющих) объектах. Илья Картушин (не первый год) решает проблему, не сделать ли ему нынешнее редакторство профессией на всю жизнь.

Все думают – жизнь идёт, а она уже проходит.

Но ведь если твой редактор (да еще и зав отделом) – женщина, к тому же красивая, к тому же умная, да ещё меру знает, и вкус у неё на высоте, что остается писателю, имеющему с нею дело?

Писать лучше.

Что ещё?

Геннадий Прашкевич

Мне её очень не хватает

1957 год. Мы с мужем переезжаем из Томска в Новосибирск. Нужно искать работу. И тут моя подруга Галя Петрова, работавшая тогда в Западно-Сибирском книжном издательстве, узнает, что в редакцию журнала «Известия восточных филиалов АН СССР» требуется на временную работу младший редактор. Рекомендует меня.

Сотрудница, вместо которой меня приняли, Дина Григорьевна Селькина. Она лечится на Кавказе – в Теберде.

Пока я осваиваю азы редакторского дела, в редакции происходят перемены: увольняется один из редакторов, и мне предлагают занять его место. Почему мне? Ведь могут дожидаться Дины Григорьевны. Видимо, знают, что она не слишком жалуется работу с научной литературой.

Настает время, и в редакции появляется высокая, стройная женщина. Она красива. Одной из моих первых впечатлений, Дина сидит за своим столом, отгородившись стопкой от начальника и уткнувшись в столь нелюбимые ею формулы. Забегая вперед, скажу, что вскоре освободилось место в Западно-Сибирском книжном издательстве и Дина Григорьевна перешла туда на работу сначала в должности редактора, а потом стала заведовать редакцией художественной литературы. О её работе в этом издательстве я скажу несколько слов ниже. А пока...

Мы с ней быстро подружились. На «переменках» в коридоре о чём-то шепчемся, смеемся, нам весело.

Дина вообще была остроумным человеком. Вспоминаю. Мне предстоит непростой разговор с автором статьи – математиком. Узнав об этом, Дина замечает – «Таня, повторите таблицу умножения».

В нашем доме Дина и её маленькая дочка Люба становятся своими. Мы с ней подруги. Я доверяю ей то, чего не доверяю другим. И она неизменно внимательна, откровенна и... беспощадна. Не утешает по-бабски: все образуется. Всегда ли права? Как выясняется позже, не всегда. Но в этом вся она с её характером.

Самыми замечательными в нашей дружбе были разговоры о литературе, театре, живописи. Отринув быт, часами обсуждаем книги, спектакли, выставки. Иногда спорим, но чаще совпадаем. Её суждения точны, глубоки. Я и теперь ловлю себя на том, что хочу узнать её мнение о чём-то увиденном, услышанном.

Случались и обиды. Во времена, когда появление нового автора было событием, кто-то дал Дине пьесу не то Петрушевской, не то Вампилова – сейчас не вспомню, и она обещала познакомить меня с ней. Выходим вместе из Дома актера, и я протягиваю руки к заветной книжке. Дина медлит и предлагает пойти к ней (ещё не поздно) и прочесть у неё дома. Я же хочу у себя и обещаю вернуть завтра утром. Убеждаю, что не обману, не верну только в том случае, если умру. Видимо, этот вариант ею не исключается, и я ухожу ни с чем. Сейчас вспоминаю об этом с улыбкой и пониманием. Она боялась нарушить слово и не вернуть вовремя.

Работа в редакции художественной литературы Западно-Сибирского книжного издательства стала для Дины Григорьевны настоящим делом. Она стремилась максимально помочь талантливому автору. Огорчалась, когда приходилось работать с рукописью, которую не считала достойной публикации.

Помню рассказ Дины Григорьевны о том, как дорабатывалась рукопись. Частная история, рассказанная автором, была помещена в широкий исторический контекст. До самого последнего времени Дина Григорьевна была активна, полна интереса к тому, что происходит в мире, стране, и как всегда принимала близко к сердцу всё, что касается искусства. Один из наших последних разговоров – о бесчисленных постановках в кино и театре «Анны Карениной». Дина: - «По-моему нужно объявить мораторий на обращение к роману».

Она помнила наши дни рождения, не только мой, но и моих близких. И вот впервые не звонит...

В ней была какая-то наивная вера в необходимость неукоснительно соблюдать предписания врача. Сказано – лежать пять дней, значит пять, а не четыре с половиной и не пять с половиной. И, может быть, поэтому мне, тоже наивной, казалось – она будет жить долго, долго...

Счастливым событием в её жизни было

рождение внука Дениса. Его воспитанию Дина уделяла большое внимание. Могла в библиотеке набираться знаний о каком-то предмете, чтобы потом передать ему. Денис стал видным учёным, и она гордилась им.

У Дины Григорьевны была работа по душе, у неё остались дочь, внук, правнуки. Всё как должно быть.

Татьяна Борисовна Мелкозёрова

Вспоминая Нину Сергеевну Семаеву

Рассказывает внука Мария Ярыгина

Я – младшая внучка Нины Сергеевны Семаевой (далее – бабы Нины). Мои воспоминания о ней – самые яркие, интересные, важные. Баба была моей подругой, наставницей. Она с готовностью со мной общалась и внимательно слушала. Не относилась к моим вопросам, как к детским глупостям, а наоборот весьма поощряла мою любознательность.

Баба была для меня эталоном красоты. Я всегда восхищалась, что у неё подтянутая фигура, такая спортивная и гибкая. Ни разу не видела её в брюках или джинсах. Только юбки и платья. А ещё бусы и красная помада. Яркая красота бабы для меня затмевала всех! Если бы меня тогда спросили, кто самый красивый, я бы сказала – баба Нина. Не помню, когда она вдруг постарела... Кажется, что это случилось внезапно, а не постепенно.

С дедом (её мужем, с которым баба прожила более 60 лет!) у них были сложные отношения. Уж очень люди разные. Мне всегда было спокойнее, когда они были порознь, так как не любила ссоры. А баба сердилась часто. Она была очень педантичная, сосредоточенная, ко всему подходила крайне серьёзно. Дело должно было быть сделано вовремя и так, как надо. Она была трудолюбивой, но не любила всевозможные садово-огородные работы. Баба - воистину городской житель. А ещё она была чрезвычайно умной, начитанной, творческой. Ясно выражала свои мысли. Прямо, чётко, безапелляционно. Все аргументы против сразу забывались. Красно-речие было у бабы в крови.

А ещё у неё был литературный дар, можно сказать, талант. Она знала наизусть все стихи, которые я изучала в школе или где-то читала. Память была необъятной!

Нина Сергеевна Семаева

Баба Нина, образно выражаясь, отвечала за развитие моей речи и музыкальное образование. Когда я писала письма бабе из деревни, где находилась каждое лето, она всегда отправляла мне свой ответ и моё письмо с подчёркнутыми ошибками. В итоге мне пришлось бросить писать, потому что у меня было ощущение, что я каждый раз пишу годовой диктант. А выражать мысли простым языком у меня не получалось. Ещё у нас с бабой была традиция. Она два раза в неделю водила меня в музыкальную школу, куда я не любила ходить. Единственной радостью было то, что по дороге туда-обратно мы обязательно что-то сочиняли. Чаще всего стишки. Сочиняла я, а бабушка помогала. Одно я помню до сих пор:

Дождик мочит мой платок,
Дом ещё от нас далёк.
Побежали мы в метро –
Вот, как сделали хитро.
Прибежали мы домой.
Обрели мы там покой.
Дождик нас теперь не мочит,
Это нам приятно очень!

Последние годы баба стала больше молчать, думать. Жизнелюбие уступило место нервозности. Но смеялась она также заразительно и ругалась также неистово. В общем, у меня много с ней общего. Мой муж мне часто говорит: ты очень похожа на бабушку, так же смеёшься. Я этому рада, быть похожим на бабу – это честь! Вот только так красиво одеваться у меня до сих пор не получается. Бабонька, я тебя люблю!

P.S. Несмотря на то, что баба любила играть в карты и могла сказать «К чёрту!», именно она научила меня молитве «Отче наш». Она сказала, что каждый человек должен знать хотя бы одну молитву. И

добилась, чтобы я в тот же вечер её выучила.

Рассказывает муж Борис Иванович

Нашему браку с Семаевой Ниной Сергеевной в 2019 году должно было исполниться 65 лет. К сожалению, она оставила меня, ушла из жизни, и мне пусто и одиноко без неё, хотя дети и внуки не забывают, всегда рядом.

Мы оба учились в Томском государственном университете на историко-филологическом факультете (я – на историка, она – на филолога). Я увлекался спортом, был чемпионом университета, Томской области по лёгкой атлетике. Она – член партии, сталинский стипендиат.

Закончив университет, я устроился на работу, получил угол для жилья (жил в комнате на подселении) и задумался о женитьбе. Красивых девушек вокруг было много. Но как крестьянский сын (родители – колхозники) я знал народную поговорку: красота наглядится, ум пригодится. Как-то я попал на вечер танцев, там была и Нина, в то время студентка выпускного курса. Мы потанцевали (она очень хорошо танцевала) и понравились друг другу. Начали встречаться. Я знал, что она – одна из лучших студенток университета. Сделал предложение – Нина согласилась. Свадьбу сыграли на квартире товарища. На другой день пошли в ЗАГС и расписались. Так началась наша совместная жизнь. Ни разу я не пожалел о своем выборе. Жили дружно. Вырастили двух детей, порадовались внукам и правнукам.

Когда Нине подошел пенсионный возраст, она ушла с работы ветераном труда. Однако вскоре вышло постановление, что годы учебы в училище и в вузе в стаж не засчитываются. Чтобы восстановить стаж, Нина 7 лет работала уборщицей в подъездах – и это после многих лет успешной работы директором Западно-Сибирского книжного издательства, будучи Заслуженным работником культуры, кавалером орденов Трудового Красного Знамени и Знак Почета. Она трудилась так же добросовестно (по другому просто не умела), получала благодарности и премии. Светлая тебе память, дорогая Нина! Мне очень тебя не хватает.

Рассказывает дочь Наталья Борисовна

Мама была настоящим руководителем, стратегом – и в издательстве, и в семье. Она организовывала нашу жизнь, например, планировала ежегодные по-

ездки всей семьей по стране, для чего в течение года откладывались деньги. Помню впечатления от Ленинграда, Феодосии, Самарканды, озера Иссык-Куль... Не было культа вещей. Главное – больше увидеть, узнать, наполнить жизнь интересными событиями. И, конечно же, книгами. Рада, что и мои дети любят читать.

Мама трудилась быстро и эффективно. Издательские работники рассказывали мне: когда коллектив посылали на прополку в колхоз, мама всегда первой доходила до финиша.

Мамины решения диктовались логикой. Спонтанно она их не принимала, четко аргументировала свою позицию.

Если в какой-либо ситуации (скажем, покупка вещей) выбор был за мной и мое мнение не совпадало с маминым, она спокойно и в высшей степени убедительно с точки зрения здравого смысла высказывала свое. Сколько помню, я всегда соглашалась.

В свое время мама посоветовала мне поступать в музыкальное училище. Она провела всесторонний анализ ситуации, моих возможностей и стало ясно, что музыкальное профессиональное образование для меня – оптимальный вариант. Мама помогла мне в поступлении (приглашала репетитора), и в дальнейшем я ни разу не пожалела о выбранном пути. (В детстве у мамы была мечта – играть на фортепиано. Думаю, через меня она ее осуществила).

На празднование моего 18-летия мама пригласила людей из моего детства, кому она была признательна за мое «становление»: детского врача (лечила меня и моего брата, была воистину домашним доктором), первую школьную учительницу, педагога по музыке из Клуба жиркомбината (она рекомендовала направить меня в музыкальную школу). Мама умела быть благодарной.

«Чтобы увидеть радугу, нужно пережить дождь...»

Когда трудно, жизнь видится как на срезе дерева, тонкими и темными годичными кольцами. Мне же запало в память кольцо светлое, как будто нарисованное янтарной смолой, шириной почти в четыре года...

Проходя по Красному проспекту, меня, молодого безработного журналиста, что-то заставило остановиться у Дома Ленина. Белоснежного, величественного. Левое крыло. Доска с надписью: «Западно-Сибирское книжное издательство».

Толкнул массивную дверь с бронзовыми ручками прошлой эпохи. Второй этаж...

Люда Симкина, редактор-секретарь, и как потом оказалось, бессменный помощник всем и вся, провела в кабинет директора.

Из-за стола встала темноволосая, с короткой стрижкой, женщина, среднего роста. Пригласила сесть.

Изучающий строгий взгляд сквозь стекла аккуратных очков. Разговор со мной, с «зеленым мальчиком в редакции», был не долгов, не более получаса. И вердикт: «Принимаю. С испытательным сроком». Со временем я понял: мне был дан величайший карт-бланш!

«Вживание» прошло быстро и легко. Открытость коллег, творческие встречи с писателями, порой напряженная борьба с авторами за «слово». Конечно, случались проколы, недочеты. Нина Сергеевна требовательно указывала на них: «Надо улучшить текст, композицию. Помогите автору подыскивать слова, оттенки. Книга должна быть хорошей!». Выпускница Томского университета, филолог, она понимала СЛОВО. Убеждала, приводя примеры, факты. Помогала очистить текст от словесного мусора. Тактично, без повышения тона, без намека на оргвыводы. Было ощущение, что Нина Сергеевна взяла надо мной негласное шефство. От нее я получил главное: своеобразную прививку трезвого взгляда на окружающую действительность. Прекрасная возможность учиться. Не идти на обострение ситуации, а находить компромиссы.

Нина Сергеевна неизменно участвовала во всех событиях коллектива. Подправляла и направляла. Как руководитель, она была талантлива и мудра. В ней сочетались большевистская закалка и чувство необходимых перемен. Она тоже видела иное мышление. Уважая разные точки зрения (хотя и не всегда разделяя их), она была благосклонной к диссидентствующим авторам и редакторам.

А вот радикалам из общества «Память» и графоманам могла сказать «нет».

Нина Сергеевна не «зажимала» нас рамками присутствия на работе «от» и «до». Более того, раз в неделю каждый редактор мог брать «творческий день». Для встречи с авторами в неформальной обстановке, работы в библиотеках, да и просто для осмысления происходящего. Какой нонсенс для советского времени!

У неё было огромное желание разнообразить, насытить новыми впечатлениями жизнь своих сотрудников. Она стремилась расширить наш кругозор. Выбивала деньги на воскресные путешествия: то полет в Ташкент, то автобусом в Сростки к

В.М.Шукшину; то на «Поезде здоровья» в Горную Шорию на курорт Шерегеш с лыжами; то в этнографическую поездку в Горный Алтай... Спасибо ей за это!

А как трогательно проходил у нас День Победы! За столом фронтовики – элита сибирской писательской организации: А. В. Никульков, Л. В. Решетников, Г. Н.Т. Падерин... Конечно же, было весело: шутки, песни, откровенные тосты... В стране же в это время, в каком-то угаре, вырубались виноградники... А тут, в стенах идеологического (!) учреждения – застолье ??? Нина Сергеевна очень рисковала.

В стране уже веяло свежим ветром перестройки, всех хотелось свободы слова, новизны. Отстоять авторско-редакторскую точку зрения далеко не всегда получалось. Нина Сергеевна была на нашей стороне в жестких кабинетах ЛИТО (цензуры). Припоминаю целую эпопею с именами «Серп» и «Молот», данными Геноей Прашкевичем своим литературным героям... ЛИТО не допустило книгу к изданию как идеологически вредную и аполитичную.

И редакторы, и авторы, расстроенные подобными эксцессами, шли к директору. И беседы у нее были простым и эффективным лекарством от стресса.

А частенько Нину Сергеевну вызывали «на ковер» то в горком, то в обком КПСС... за то, что вовремя не пресекла «крамолу»... Уверен, в такие моменты Нина Сергеевна, защищая нас, тоже рисковала должностью. Но она никогда на это не жаловалась, не обвиняла кого-либо. Просто просила нас здраво оценивать ситуацию...

Она не была лишена женской эмоциональности. На экраны тогда вышел к/ф «Жестокий романс» (по мотивам «Бесприданницы» А. Н. Островского). О нем говорили и мы. Кто-то восхищался, кто-то критиковал. А меня сразила фраза Нины Сергеевны, произнесенная с улыбкой, низким, с хрипотцой голосом: «... За Паратовым я бы тоже побежала! А что??». И громко рассмеялась. Вообще, если она смеялась, то от души, заразительно, громко!

Вспоминается: как-то нам сказали явиться поутру в рабочей одежде. Была советская практика направления «на картошку» ученых Академгородка, артистов балета, всех и вся учреждений и организаций. Спорный вопрос о пользе таких десантов. Это, конечно, воспринималось в штыки. Хотя после таких поездок еще долго были веселые воспоминания о том, как поработали, об общем застолье на полянке-лужайке под деревьями, под щебет птиц или рокот тракторов... Так вот, автобус привез нас в какой-то совхоз. Местный бригадир показал на бескрайнее поле и сказал: каждому прополоть по два рядка капусты. И потом – домой. Часам к четырем мы закон-

Людмила Николаевна Симкина и Клара Васильевна Волкова

чили работу и в шумном изнеможении развалились на траве, в ожидании автобуса. Руки-ноги, как говорят, с непривычки у всех «отстегнулись»! Бравата это была или нет, но Нина Сергеевна в отличие от нас была по-прежнему энергична, разговорчива и выглядела достаточно свежо. Хотя вкалывала она, как и мы, под жгучим солнцем, не разгибая спины. Закончила свои рядки первой или второй, точно не помню. Но помню, что стала помогать отстающим. А ведь работа на земле, как она сама признавалась, совсем не ее! Не любила. Но раз надо – то делала качественно и максимально быстро.

Я всегда легко шел на работу в «Дом Ленина». В издательстве была очень комфортная среда. Наткнувшись в коридоре на улыбающегося мэтра Гену Прашкевича, Тому Фролову (редактора, ставшего моим другом) или Виталия Минко (главхудреда), который восторженно протягивает тебе удачную иллюстрацию Жени Зайцева к очередной книге: «... Смотри, как «ВКУСНО»! Пойдем, еще посмотришь!».

Как человек, имеющий отношение к морю, хочу сказать, что Нина Сергеевна Семаева – это настоящий Капитан чудесного корабля под названием «Западно-Сибирское книжное издательство»! С

прекрасным экипажем моего времени: все ранее перечисленные и плюс Люда Белявская, Таня Набатникова, Юлий Мостков, Саша Плитченко, Неля Закусина, Алиса Минко, Таня Сенокосова, Галя Артюшенко, редактор и начинающий писатель Толя Шалин (в него была влюблена Алинка, моя шестилетняя дочь), и тесно примкнувшие к нам Лора Фролова, Володя Симкин...

Дом Ленина стал для меня Храмом. Его божественно-творческая атмосфера поглотила, стала ярким, радостным и воспитательным этапом. Сегодня я перелистнул эту страницу моей жизни с благодарностью и печалью...

А в 1987 году меня пригласили на должность главного редактора Западно-Сибирской студии кинохроники, и я покинул ставшие мне родными «пенаты».

Но это уже совсем другая история...

Последняя моя встреча с Ниной Сергеевной была 32 года назад. Сегодня в моей памяти – лишь отдельные воспоминания-пазлы, которые уже трудно собрать в одну яркую картину. Но образ дорогого мне человека остался навсегда.

Вадим Новопашин.
Анапа. 2019 год.